

Барро Жан Луи, один из крупнейших современных французских актеров и режиссеров. Начал свою актерскую деятельность в 30-е годы в драматическом театре «Ателье», где впервые выступил и как режиссер. В эти же годы увлекается искусством пантомимы. В 1946 году создал собственную труппу, где осуществил постановку «Вишневого сада» Чехова, в которой исполнял роль Трофимова. Возглавлял «Театр де Франс» и «Театр наций» в Париже. Автор книги «Размышления о театре», переведенной и на русский язык. Неоднократно снимался в кино; советским зрителям знаком по фильму «Дети райна».

к другим, себе подобным, к коллективу, и он обретает его в зрительном зале. Действительно, современному человеку удобнее нажать кнопку телевизионного аппарата. Но театр по сравнению с телевидением — то же, что волшебство по сравнению с беспроволочным телеграфом. Влияние кинематографа и телевидения сказалось, наверное, лишь в том, что спектакль сейчас перегружен технически: сложные декорации, движущиеся площадки... Но все же остается сцена! Есть одна притча об актере: во времена великих переселений по дорогам шли толпы людей с детьми, с повозками, с домашними животными. И среди них только один человек не вез за собой никакого добра. Солдат спросил у него: «Где же все твои богатства?» И тот ответил: «Все мое — во мне». Это был актер. Он был гол и нищ, но у него было, что сказать людям. Не может иссякнуть этот дар, и не может умереть в человеке жела-

Жан Луи БАРО

ПРИТЧА ОБ АКТЕРЕ

ние узнать о другом, ему подобном. Для этого он идет в театр.

Музыка — это наука о звуках. Живопись — наука цвета. А театр — это исследование поведения человека и всех возможностей, заложенных в нем. Театр — это одно из высочайших проявлений сознания человеческого существа.

Человеческим телом и голосом воссоздает он на сцене жизнь человека. И, следуя ее, вместе с жизнью изменяется, приобретая новые формы, говоря о новых вещах, которые в данную эпоху интересуют человеческое общество, и всегда оставаясь сопричастным обществу в его изменениях. Мертво стабильное. Это общезвестно. Жизнь не является нам в контрасте черного и белого. И в том, что касается таких понятий человеческого сознания, как совесть, прогресс, свобода, театр пытается найти опору, разрешить эти вечные вопросы, апеллируя к обществу.

Мы, актеры, — клоуны, шуты в том понимании, какое вкладывал в это слово Шекспир. В эпоху королей шут напоминал о том, что существует народ. Он предостерегал короля, напоминала о человеческих слабостях, присущих каждому. В

наше время театр выполняет те же функции, неся миру, человечеству открытое, совестливое, искреннее слово о самом человечестве. И способствует тому, чтобы оно стало более человеческим.

2. Разумеется, поэтическое искусство театра не может избежать политики, потому что политизирована вся наша жизнь. Театр — как ни крути — отражение жизни, и, может быть, в самых естественных, самых чувственных формах. А раз так, то и отражение политики — я говорю обо всем современном театре, а не о каком-то определенном течении в сценическом искусстве. Когда социальная жизнь обострена, театр может служить инструментом в политической жизни и даже посылать людей в бой, поскольку обладает огромной силой эмоционального заражения. Ведь театр, в отличие от других искусств (и от кинематографа тоже), — искусство не индивидуумов, а контакта. Не забывайте и о том, что театр — и для общества, и для каждого из нас — может быть совестью, праведным судьей. Он умеет говорить и о том, что вносит спокойствие и равновесие в человеческую душу.

3. Театр родился под

открытым небом. Ему свойственно движение: дороги, новые места, сцена на площади — это есть народный театр, то есть театр истинный, каким ему и должно быть. И в наши дни театр должен идти к народу — в буквальном смысле. Я столь уверенно говорю об этом, потому что мне приходится путешествовать о трупной в шапите по разным странам Европы. Театр на площади имеет успех у зрителя XX века, к нам стекаются толпы, которые не просто требуют какого бы то ни было зрелища, но хотят видеть настоящие спектакли. Мы не упрощаем репертуар, подгоняя его под вкусы неискушенного зрителя. Наоборот, играем для него сложнейшие пьесы современной драматургии. Но люди, которые приходят к нам в шапите, смотрят эти пьесы и понимают их. В шапите умеют смотреть и Корнеля, и Расина, и Клоделя, и Чехова. Театр жив не только для ценителей, но и для народа.

Он воспитывает в человеке уважение к себе подобным. Для меня современный театр — это символ человечности. Он похож на того голого и нищего актера из притчи. Его можно создать на площади без декораций и без грима, но он так же, как и в театральном здании, и, может быть, лучше, сумеет осуществить контакт человека с человеком. Это не плод моего воображения, а то, что я видел сам, то, что я знаю.

1. Театр — это всеобъемлющее понятие. В нем перед человеком «объемнее», чем в любых других искусствах, представлена сама жизнь. Театр — организм живущий, который будет жить, если даже на земле останется лишь тысяча или сотня людей, жаждущих спектакля. Несмотря на телевидение, кино, радио, театр не может умереть, потому что не исчезнет с лица земли Артист. Перед зрителем на сцене актер во плоти своей: его лицо, его голос, его жест. Человек не сможет отказаться от приятной силы, заложенной в театральном действии. Поверьте, не только действие, не только сюжет или декламация завораживают зрителя. Сама игра — это магия. Зритель испытывает потребность и в самой этой тайне театра, и в попытке — тоже вечной — разгадать магию игры.

Испокон веков человеку естественно стремление